

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ВЫПУСК 4

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2016**

УДК 32
ББК 66.0
С 37

Серия
«*Политология*»

ИНИОН РАН
Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, главный редактор,
Д.В. Ефременко – д-р полит. наук, *В.Н. Ефремова* – канд. полит. наук, ответственный секретарь, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук,
Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, д-р полит. наук, *С.П. Поцелуев* – д-р полит. наук,
И.С. Семенов – д-р полит. наук, *Л.А. Фадеева* – д-р ист. наук

Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.
С 37 Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки;
Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. –
Вып. 4: Социальное конструирование пространства. –
371 с. – (Сер.: Политология).
ISBN 978-5-248-00819-3

Рассматриваются теоретические проблемы изучения символической политики как сферы конкуренции различных способов интерпретации социальной реальности. Статьи и рефераты знакомят с исследованиями, посвященными идейно-символической компоненте современных политических процессов. Особое внимание уделяется социальному конструированию пространства как одному из аспектов символической политики.

Для исследователей-политологов, преподавателей и студентов, а также для всех, кто интересуется вопросами развития политической науки.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-248-00819-3

© ИНИОН РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Социальное воображение пространства как символическая политика	7
--	---

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.В. Пушкарева. Символические формы конструирования политической реальности	15
Г.И. Мусихин. Концепт политической символизации как диалектическое понимание политики	30
Б. Петерссон. Легитимность, популярность и конструирование политического мифа: Современные дискуссии	52
Г.Л. Тульчинский. Наррация в символической политике: Уровни и диахрония	65

ТЕМА ВЫПУСКА: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Л.В. Смирнягин. Эволюция Места в ходе «производства пространства»	84
Н.Ю. Замятина. «Земля наша дала миру...»: Национальные особенности брендинга территорий	106
Н.М. Мухарямов, О.Б. Януш. Тюркоязычный и финно-угорский «миры» как символические языковые пространства	135
И.Ю. Окунев, Г.И. Остапенко. Символический капитал столичности: Опыт концептуального картирования столиц без актуальной государственности	155

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: ВООБРАЖЕНИЕ РОССИИ

М.Г. Агапов, Ф.С. Корандей. Популярная картография как ресурс символической политики: Случай Тюменской области	187
О.Б. Подвинцев. Ментальная граница между Уралом и Сибирью в современной России	208
М.Я. Рожанский. Место Москвы в советском сибирском кинотексте: От 1930-х годов к советскому финалу	216
Р.В. Евстифеев, И.В. Задорин, П.Л. Крупкин, С.Д. Лебедев. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации	245

ПОЛИТИКА КАК ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ

Д.В. Березняков, С.В. Козлов. «В украинской системе координат»: Символическая география в условиях коллапса украинского государства	259
Л.И. Закирова. Символическое измерение деятельности негосударственных акторов в современных российско-американских отношениях	279
В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин, С.В. Субботин. Конструирование арктического пространства в российских политических и общественных дискурсах	292
В.Н. Ефремова. Новый год в современной России: Политическое использование праздника в меняющемся контексте	316

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Эдельман М. Эскалация и ритуализация политического конфликта. (Реферат)	329
Дёрнер А. Политический миф и символическая политика: Формирование смысла с помощью символических форм на примере мифа о Германе. (Реферат)	337

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

О.Ю. Малинова. Новый взгляд на старую проблему: Россия и Европа / Запад в свете постколониального подхода (Рецензия)	354
С.В. Акопов. Почему так актуально «Актуальное прошлое»? (Рецензия)	363

**Р.В. Евстифеев, И.В. Задорин,
П.Л. Крупкин, С.Д. Лебедев***

ГОРОДСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРИЗАЦИИ

Аннотация. В статье представлены результаты изучения локальных идентичностей в трех российских городах. Применение качественных и количественных методов исследования позволило авторам зафиксировать основные элементы городской локальной идентичности, изучить взаимосвязь между идентичностью и склонностью к солидаризации.

Ключевые слова: социальная идентичность; солидарность; социальный капитал; социальные институты.

---

* **Евстифеев Роман Владимирович**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Владимир), e-mail: roman_66@list.ru; **Задорин Игорь Вениаминович**, генеральный директор группы ЦИРКОН (Москва), e-mail: Zadorin@zircon.ru; **Крупкин Павел Ливерьевич**, кандидат физико-математических наук, научный руководитель Центра изучения современности (Москва), e-mail: kroopkin@mail.ru; **Лебедев Сергей Дмитриевич**, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления НИУ «Белгородский государственный университет» (Белгород), e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Evstifeev Roman, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir branch (Vladimir, Russia), e-mail: roman_66@list.ru; **Zadorin Igor**, Zircon Research group (Moscow, Russia), e-mail: Zadorin@zircon.ru; **Krupkin Pavel**, Centre for Modernity Studies (Moscow, Russia), e-mail: kroopkin@mail.ru; **Lebedev Sergey**, Belgorod National Research University, Institute of Management (Belgorod, Russia), e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

R.V. Evstifeev, I.V. Zadorin, P.L. Krupkin, S.D. Lebedev
Urban local identities and a potential of political solidarity

Abstract. The article presents the results of the study of local identities in three Russian cities. The authors describe the essential elements of the local identities and examine the relationship between identity and a tendency for solidarity using qualitative and quantitative methods.

Keywords: social identity; solidarity; social capital; social institutions.

Местные сообщества, как первичный элемент социума, обоснованно привлекают внимание ученых. Именно в местных сообществах происходит становление социальных взаимосвязей, формируются основы социальных практик и институтов.

Изучение местных сообществ и их основных характеристик является актуальной задачей для различных социальных наук. Это, одной стороны, позволяет исследовать объект с разнообразных методологических позиций, но, с другой стороны, порождает проблему рассогласованности теоретических установок исследователей и полученных результатов.

Наиболее востребованными при исследовании местных сообществ, на наш взгляд, являются три пересекающиеся друг с другом теоретических подхода.

1. Институционализм (включая неоинституциональные направления), настаивающий на определяющей роли устойчивых социальных связей и практик в развитии местных сообществ [Олсон, 1995; Остром, 2010; Норт, 2011].

2. Теории социального капитала, разрабатываемые в пространстве экономико-социологических идей, обращающих главное внимание на уровень доверия между членами сообщества и использование этого доверия для снижения издержек в процессе интеракций [Бурдье, 1993; Патнэм, 1996; Коулмэн, 2001; Фукуяма, 2006].

3. Теории социальной идентичности, получившие изначальное распространение в русле психологии и социальной психологии, а сегодня активно разрабатываемые также в социологии и политической науке, объясняющие развитие общества наличием особых социально-психологических характеристик, объединяющих и связывающих членов сообщества [Хантингтон, 2004; Anderson, 2010; Lawler, 2014].

Нетрудно заметить, что все подходы связывает признание важной роли символической сферы в развитии общества. Однако попытки соединения данных подходов в теоретических и эмпирических исследованиях пока не привели к созданию единой устой-

чивой теоретической модели. Более того, такие попытки часто приводят к существенным противоречиям. Исследователи весьма по-разному рассматривают роль социальных институтов, социального капитала, идентичности и их иерархию, что не может не влиять на результаты исследований.

Следует отметить, что, несмотря на «лавинообразный поток научных публикаций российских исследователей, в названии которых встречается слово “идентичность”» [Идентичность как предмет политического анализа, 2011, с. 29; Политическая идентичность... 2011; 2012], а также широкую распространенность в российской науке концепций социальных институтов и социального капитала, пока нельзя говорить о существовании достаточного корпуса теоретических обобщений, эмпирических исследований и описаний местных сообществ и символической сферы.

Подход к исследованию городских сообществ, представленный в данной статье, основан на объединении указанных трех подходов вокруг понятия «*локальная коллективная идентичность*».

Согласно одной из признанных в институциональном обществоведении теорий, качество социальных институтов зависит от соотношения активности двух типов сообществ: «замкнутых» (bonding), т.е. организованных по типу «мафий / кланов», с высоким порогом включения в сети доверия людей «со стороны», и «открытых» (bridging) – таких, которые обеспечивают априорное доверие к незнакомцам [Полищук, 2012, с. 53]. Исследования показывают, что постсоветская Россия отличается от других европейских стран существенным дефицитом «открытости в доверии», что помимо прочего тормозит развитие социальной активности и становление гражданского общества [Белянин, 2010, с. 16]. Поэтому на сегодняшний день крайне актуально изучение различных подходов к повышению уровня доверия в российском обществе и солидарности в местных (локальных) сообществах.

Сообщества самоорганизуются разными способами. Одним из механизмов солидаризации является механизм социальных идентичностей (social identity) индивидов [Tajfel, 1986, p. 7–24]. В рамках данного исследования понятие «социальная идентичность» было сформулировано следующим образом: социальная идентичность – это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе / общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из нее, критерии различения «свой / чужой» для данной

группы [Крупкин, 2010, с. 122]. Каждый индивид имеет набор социальных идентичностей, «завязанных» на разные сообщества. Обычно к ним относятся: семья, расширенная семья (родня), круг друзей, коллеги по обеспечивающему сообществу (трудовому коллективу), профессиональные ассоциации, соседская община, территориальные (локальные и региональные) общности, религиозная община и конфессия, политическая партия, этнос, нация и другие важные для индивида сообщества и социальные группы.

Авторский подход в рамках данной статьи установки может быть сформулирован следующим образом.

1. Для городских сообществ характерно наличие коллективных локальных (городских) идентичностей.

2. Коллективные городские идентичности имеют общие базовые структурные элементы, которые наполняются различным содержанием и участвуют в формировании социальных институтов.

3. Структурные элементы городской идентичности и особенности их наполнения в конкретных городских сообществах являются основой формирования и накопления социального капитала через развитие доверия и солидарности членов сообщества.

Таким образом, на уровне гипотезы взаимоотношения социального капитала, социальных институтов и локальной идентичности рассматривались авторами в виде иерархии, центральное место в которой занимает локальная идентичность, а социальные институты и социальный капитал формируются на ее основе.

На базе указанных методологических установок проведено исследование городских локальных идентичностей в городах Смоленске, Владимире и Ярославле. При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, полученные в качестве *гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11–рп* и на основе конкурса, проведенного ИСЭПИ.

Методология исследования

Общая цель проекта – выявление и описание спектра локальных (городских) коллективных идентичностей трех российских городов, а также накопление эмпирического материала для развития языка описания такого социального объекта, как «локальная коллективная идентичность». Исследование направлено на решение следующих задач:

- подтвердить существование городских идентичностей;
- описать городские идентичности нескольких городов, сделав это, с одной стороны, единообразно, с другой – полно;
- выявить связь характеристик городской идентичности с показателями солидарности горожан, их социальной спайки.

В соответствии с целями, установками и гипотезой исследования его методологическая стратегия построена на сочетании качественных и количественных методов.

Качественный этап исследования основан на проведении пяти дискуссионных фокус-групп в каждом из городов с основными социальными категориями горожан:

- 1) гуманитарная интеллигенция – работники культуры, писатели, краеведы, библиотекари, преподаватели гуманитарных дисциплин в вузах;
- 2) интеллигенция социальной сферы – учителя, врачи;
- 3) инженерно-техническая интеллигенция – инженерные работники, руководители цехов и подразделений промышленных предприятий;
- 4) предприниматели – представители малого и среднего бизнеса;
- 5) публичные лидеры общественного мнения – политики, популярные журналисты.

В ходе фокус-групповых дискуссий (сентябрь-октябрь 2014 г.) обсуждался широкий круг вопросов, включающий вопросы уникальности города, объектов гордости горожан, символов города, выдающихся личностей, отличительных черт жителей города и т.д.

По итогам фокус-групповых дискуссий был сформирован опросник для количественного этапа исследования. Основой количественной части стал массовый опрос населения в каждом из городов с выборкой не менее 600 человек (общий объем выборки – 1800 респондентов). Опрос проводился в ноябре-декабре 2014 г. Выборочная совокупность репрезентировала население каждого из трех городов по полу, возрасту и району проживания. Опрос реализовался по месту жительства респондентов (face-to-face). Генеральной совокупностью исследования являлось взрослое население соответствующей территории (18 лет и старше). Для обеспечения репрезентативности опроса использован метод квазислучайной маршрутной выборки, при котором интервьюер опрашивает респондентов в домохозяйствах (квартирах, домах), отбираемых в соответствии со специально построенным маршрутом.

Изначальная установка была скорректирована после проведения дискуссионных фокус-групп как в целом, так и по каждому из исследуемых городов. В результате изучение локальной идентичности в ходе массовых опросов строилось вокруг следующих базовых элементов:

1) представления о локальной географии (средне- и крупномасштабной), где находится город;

2) значимые места города (символический центр и пр.);

3) символические ценности (предметы гордости, значимые исторические события);

4) пантеон героев – реальных и мифических (знаменитые и почетные горожане);

5) мифы самостояния (главные представления о городе и горожанах);

6) представления о структуре городского сообщества: ядро («элита»), страты, сегменты, границы, дифференциация «свой – чужой»;

7) ритуалы воспроизводства идентичности (общие праздники, регулярные мероприятия).

Методической основой социологического измерения являлся вопросник, содержащий три ключевых блока вопросов: 1) показатели социального самочувствия горожан, 2) блок, тестирующий локальную идентичность респондента по семи указанным компонентам и 3) блок оценки склонности респондента к солидаризации.

Результаты исследования представлены в виде трех основных линий, соответствующих вышеуказанным блокам. Мы также попробуем оценить взаимосвязь между этими линиями, обратив особое внимание на потенциал солидаризации в исследованных городах.

Уровень социального самочувствия во Владимире, Смоленске и Ярославле

Уровень социального самочувствия населения трех городов измерялся с использованием традиционных показателей: социальная адаптация (удовлетворенность текущей жизнью), социальный оптимизм (ожидания в отношении ближайшего будущего), самооценка материального положения и потребительского статуса семьи.

По итогам опроса можно констатировать, что во всех трех исследованных городах число жителей, декларирующих удовлетво-

ренность своей нынешней жизнью, превышают число недовольных. При этом между городами имеются значительные расхождения по указанному параметру. Во Владимире удовлетворенность текущей жизнью выразили 78% участников опроса, в то время как доля недовольных составила 21%. А вот в Смоленске доля социально адаптированных горожан составила 61% (против 29 неадаптированных), в Ярославле – соответственно 68 и 31%.

По уровню социального оптимизма, как и в случае с социальной адаптацией, наиболее благоприятными оказались оценки жителей Владимира: доли тех, кто ожидает ухудшения и улучшения жизни своей семьи, оказались примерно равными (26 и 28% соответственно). Совокупная доля респондентов, прогнозирующих улучшение ситуации или сохранение статус-кво (группа «не ожидающих ухудшения»), составила 66% (почти 2/3 населения города).

В Смоленске и Ярославле пессимисты преобладают над оптимистами: в Смоленске эти группы представлены цифрами 32 и 20%; в Ярославле соответствующие значения составили 24 и 15%. Если сравнить совокупные доли «не ожидающих ухудшения» жизни (т.е. оптимистов и тех, кто считает, что все останется «так же, как и сейчас»), то в Ярославле этот показатель на 5% меньше, чем во Владимире (60%; в этом городе, кстати, доля прогнозирующих сохранение статус-кво наиболее высока – 45%), а в Смоленске он составил всего 51%, т.е. является наиболее низким (т.е. самым пессимистическим).

Во всех трех городах наиболее объемными оказались категории респондентов, оценивших свое материальное положение как «среднее»; эти доли довольно близки – 63% во Владимире, 64 – в Смоленске и 70% в Ярославле.

Однако в распределении позитивных («хорошее и очень хорошее» материальное положение) и негативных («плохое и очень плохое») оценок различия довольно существенны. Сравнительно более благоприятно это распределение во Владимире, где позитивные оценки превышают негативные более чем в полтора раза (23% и 14% соответственно). В Смоленске доли жителей, оценивших свое материальное положение как «хорошее» и «плохое», очень близки – по 18%, т.е. по сравнению с Владимиром здесь меньше позитивных и больше негативных самооценок. Еще более существенны различия в оценках между населением Владимира и Ярославля. В Ярославле наблюдается превышение негативных оценок над позитивными, причем доля респондентов, считающих материальное положение своей семьи «хорошим», вдвое ниже

доли тех, кто считает его «плохим» (10 и 20%, соответственно). То есть из трех городов исследования в Ярославле самооценки материального положения семьи наиболее низкие.

В пространстве предложенных потребительских статусов большинство жителей всех трех городов выбрали среднюю альтернативу *«Денег хватает на продукты и на одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас затруднительной»* (52–58%). Наиболее неблагоприятны оценки жителей Ярославля; в этом городе самая высокая доля респондентов, которые отнесли себя к самым «бедным» категориям (22% респондентов), в то время как к категориям с высоким потребительским статусом отнесли себя чуть более 18% жителей.

Наиболее благоприятными оказались оценки жителей Смоленска: здесь выбор в пользу высоких потребительских статусов встречался вдвое чаще, чем в Ярославле (37%), а доля наиболее низкостатусных категорий составила лишь 9%. Показатели, полученные во Владимире, в целом ниже, чем в Смоленске, но выше, чем в Ярославле. Здесь, как и в Смоленске, доли респондентов с высокими и низкими самооценками покупательной способности составляют (соответственно 25% и 17%), но превышение первых над вторыми менее значительно.

Таким образом, опросы демонстрируют в целом довольно позитивные самооценки материального положения населения. При этом по совокупности показателей наиболее высоки самооценки жителей Владимира, – они довольно близки к оценкам жителей российских областных центров в целом. Смоленяне наиболее пессимистичны относительно ближайшего будущего, а ярославцы, в свою очередь, наиболее критичны в оценке своего материального положения.

В оценках положения дел также наблюдается дифференциация. Негативно ситуацию в своем городе оценили лишь 14% владимирцев, доля позитивных оценок почти втрое выше (39%), относительно большинство респондентов выбрали среднюю альтернативу: *«отчасти доволен, отчасти нет»*. В Смоленске же и Ярославле, напротив, перевес – хотя и небольшой – недовольных над в той или иной степени удовлетворенными.

Таким образом, из всех трех городов, только во Владимире фиксируются как сравнительно высокие оценки социального самочувствия жителей, так и более высокий уровень удовлетворенности положением дел в городе.

Городские локальные идентичности

Изучение городской локальной идентичности, предполагающей наличие воображаемой связи с городом / городским сообществом, логично начать со степени «укорененности» жителей, в частности, длительности проживания в городе индивида и его семьи, его стремления уехать или остаться в городе.

Результаты опроса показали, что большинство жителей во всех трех городах являются коренными жителями, т.е. родились в них. При этом ниже всего доля коренных жителей во Владимире (57%), в то время как Смоленск и Ярославль являются «родным городом» для более чем 2/3 участников опросов (68 и 67% соответственно).

Учитывая другие характеристики укорененности, прежде всего такие как срок проживания в городе, можно сделать вывод, что большинство жителей исследованных городов являются коренными жителями как минимум во втором поколении.

Интересным и важным с точки зрения оценки самооощущения связи с городским сообществом или его отдельными структурными элементами является также представление о перспективах дальнейшего проживания в городе, выраженное в том числе в декларируемом стремлении сменить место жительства. В каждом из трех городов существенное большинство жителей (более 70%) не стремятся сменить место жительства. Вместе с тем в каждом городе доля тех, кто в принципе хотел бы уехать, составила 17–20%.

Интересным индикатором восприятия города является также декларируемое желание респондента, чтобы в городе остались жить его дети и внуки. О своем желании, чтобы дети и внуки сменили место жительства, заявили лишь 11–13% респондентов, еще 9–12% считают, что решение должны принять сами дети и внуки.

Наряду с вопросами, касающимися длительности проживания в городе и намерений сменить место жительства, в анкету был включен вопрос о территориальной идентичности. Респондентам предлагалось определить, *жителем какой территориальной единицы (от города проживания до планеты Земля) они ощущают себя в первую очередь*.

Как оказалось, во всех городах существенное большинство ответов свелось к двум альтернативам – «страна (Россия)» и «город проживания»; в совокупности они набрали от 80 (в Смоленске) до 90% (в Ярославле). Ни один из других предложенных вариантов не набрал и 10% голосов, за исключением варианта «жителем своего региона, области» во Владимире (12%).

Опросы, таким образом, демонстрируют, с одной стороны, высокую долю коренного населения в составе жителей всех трех городов, с другой – высокий уровень декларируемых намерений остаться в своем городе, распространяющийся, хоть и в меньшей степени, и на следующее поколение (детей и внуков).

Результаты исследования показали, что в актуальном самосознании горожан проявлены практически все основные элементы локальной идентичности – с высоким уровнем репрезентации большинства из них. В целом локальная городская идентичность присутствует во всех трех городах. При этом в большинстве случаев жители не только осознают свою идентичность, но и придают ей большое субъективное значение.

В то же время исследование выявило некоторый дефицит выбранного набора для отражения таких культурно-антропологических характеристик генеральной совокупности, как диалект, лексические особенности речи, говор – фонетические особенности речи; манера стильно одеваться. В частности, для смолян и в несколько меньшей степени для ярославцев данные феномены оказались наполненными «смыслом значимости», они обнаружились как источник эмпатии, внутренней привязанности уроженцев к городу. Данный факт требует дополнения списка элементов локальной идентичности пунктом «этнографические особенности жителей города».

Практика исследования показала также, что элементы «символические ценности локальной идентичности» и «мифы самостояния / гордости собой» лучше переименовать в «представления горожан о городе» и «представления горожан о себе».

Соответственно, апостериорный набор элементов для описания локальной городской идентичности можно представить следующим образом:

- значимые места (включая символический центр);
- представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной);
- пантеон героев – реальных и мифических;
- представления горожан о городе;
- представления горожан о себе;
- представления о структуре сообщества: ядро («элита»), границы, составляющие (страты, сегменты);
- ритуалы воспроизводства идентичности;
- этнографические особенности жителей города.

В целом жители каждого из трех городов ощущают себя довольно-таки гомогенным сообществом; субидентичности, обу-

словленные внутригородским территориальным и социально-профессиональным делением, выражены слабо. На периферию своего сообщества горожане помещают небольшие группы «иных» (приезжие, гастарбайтеры, люди ярко выраженной другой культуры – религиозной, этнонациональной и т.д.).

Выделенная и описанная городская идентичность не является субъектной – это, скорее, культурная рамочная идентичность с четко выделяемыми культурными реперами, общими для всех жителей каждого из обследованных городов. Это прежде всего преобладание досуговой и демонстрационно-символической функциональных ниш, отводимых ценностям и представлениям локальной идентичности в повседневной жизни. Элементы идентичности, связанные с современностью, с ритуалами воспроизводства идентичности и представлениями о структуре сообщества и его границах, в большинстве случаев выражены гораздо слабее, и разброс мнений здесь более существенен. Во всех трех городах отмечается тяготение коллективных представлений к досоветской истории, а в случае Владимира – даже к домонгольской (доимперской) Руси. Это проявляется в том числе в выборе значимых событий и главных городских «героев».

Локальные идентичности и уровень доверия

Однако важно не только то, что удалось зафиксировать, но и то, что не было обнаружено.

Во-первых, в исследовании не удалось зафиксировать большого значения символов и ритуалов, связанных с советской эпохой. Возможно, это связано с особенностями исследовательской оптики и (или) особой «углубленностью» советского прошлого в практики и представления горожан.

Во-вторых, значимым можно считать также почти полное отсутствие упоминания делиберативных практик, т.е. институционализированных механизмов взаимодействия внутри сообществ, не связанных с властными взаимодействиями.

В-третьих, не удалось зафиксировать и механизмы формирования репутаций в местных сообществах. Вообще, вопрос о «лучших людях» вызывал видимые затруднения в процессе дискуссий в фокус-группах и порождал большой разброс мнений при проведении массового опроса.

Представляется, что обнаруженные лакуны, особенно вторая и третья, могут быть тесно связаны с уровнем доверия в городских

сообществах. Примерно половина жителей в каждом из городов выразили уверенность, что в нашей стране среди людей больше разобщенности и несогласия. Во всех трех городах доли жителей, считающих, что в отношениях с людьми следует быть осторожными, вдвое выше доли тех, кто уверен, что большинству людей можно доверять.

Особенно впечатляющими выглядят результаты опроса в Смоленске, где представления населения о разобщенности в российском обществе откровенно преобладают над противоположными: лишь 27% респондентов считают, что в стране наличествует сплоченность, в то время как 54% – т.е. вдвое больше – заявляли об отсутствии таковой. В Ярославле перевес пессимистичных оценок не столь велик (52% против 40), а во Владимире противоположные оценки и вовсе разделились в равных долях (по 47%), т.е. ни одна из позиций не преобладает.

В то же время стоит отметить, что в оценке ближнего окружения респонденты более оптимистичны. Значимое большинство жителей каждого из трех городов (от 69% в Смоленске до 74% во Владимире и Ярославле) выразили мнение, что среди их близкого окружения преобладают согласие и сплоченность. В анкете не уточнялось, кто подразумевается под «людьми, окружающими лично вас», но очевидно, что респонденты имели в виду прежде всего членов семьи, друзей и коллег, что делает полученные результаты вполне понятными.

Весьма показательным представляется распределение ответов на вопрос о готовности к объединению с другими людьми для совместных действий. Несмотря на общую негативную оценку уровня доверия в обществе, во всех трех городах большинство жителей отнесли себя к группе людей, готовых объединяться с другими. Правда, это «большинство» не одинаково: о готовности к объединению заявили $\frac{3}{4}$ участников опросов во Владимире и Ярославле. Жители Смоленска оказались склонны к консолидации в гораздо меньшей степени: такую готовность выразили немногим более половины респондентов (57%), в то время как 28% жителей сообщили о неготовности к объединению с другими.

Проведенный анализ показывает, что наибольшую склонность к солидарности демонстрируют те горожане, которые удовлетворены своей жизнью, положением дел в городе, оценивают свое экономическое положение как среднее или выше среднего и склонны доверять большинству людей. Вместе с тем склонность респондентов к солидарности сложно коррелирует с представле-

ниями об основных элементах локальной идентичности, в некоторых случаях будучи положительной (представления горожан о самих себе, о «лучших людях» города), а в других вопросах нулевой или отрицательной (ритуалы единения – праздники, исторические события, исторические персоны).

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты можно было бы интерпретировать по нескольким направлениям.

Во-первых, очевидно, что городские локальные идентичности представляют собой сложный социальный феномен, теоретическое обоснование которого, на наш взгляд, разработано пока явно недостаточно и для изучения которого необходимо применять комплексные методы из инструментария различных наук – философии, социологии, политологии, психологии и истории.

Во-вторых, взаимосвязь и четкую иерархию идентичности, социального капитала и социальных институтов по итогам исследования выявить не удалось. Возможно, взаимодействие данных категорий происходит на более глубоком уровне и требует дальнейших исследований.

В-третьих, описанные локальные идентичности не дают оснований для оптимистичной оценки потенциала политической солидарности в изученных городах. Исследователям не удалось обнаружить значимой корреляции между элементами городских локальных идентичностей и склонностью жителей к солидаризации. Основываясь на данных, лежащих за рамками исследования, можно лишь предположить, что описанные элементы городских локальных идентичностей являются потенциальными линиями, по которым возможно будут развиваться солидаристские тенденции в городских сообществах.

И, наконец, сами механизмы солидаризации сообщества имеют более сложную природу, нежели предполагалось изначально. Опыт исследования показал, что помимо элементов локальной городской идентичности и уровня доверия внутри сообщества необходимо принимать во внимание другие важные параметры, связанные, в частности, с характером организации сообщества, доминирующими представлениями о власти, с распределением власти в городе, т.е. с политическим устройством городского пространства в целом.

Литература

- Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. – М.: Фонд «Либеральная миссия, 2010. – 164 с.
- Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1991. – 336 с.
- Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой, В.В. Лапкина, П.В. Панова. – М., ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.
- Колмэн Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – М., 2001. – № 3. – С. 122–139.
- Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 568 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд-во Инта Гайдара, 2011. – 480 с.
- Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995. – 174 с.
- Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010. – 447 с.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 288 с.
- Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Под ред. И.С. Семененко. – 208 с.
- Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / под ред. И.С. Семененко. – 471 с.
- Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 12. – С. 46–65.
- Фукуяма Ф. Доверие. – М.: Хранитель, 2006. – 248 с.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 640 с.
- Anderson M. Community identity and political behavior. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. – 242 p.
- Lawler S. Identity. Sociological perspectives. – Cambridge, UK; Malden, MA: Polity press, 2014. – 210 p.
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. – Chicago: Chicago univ. press, 1986. – P. 7–24.